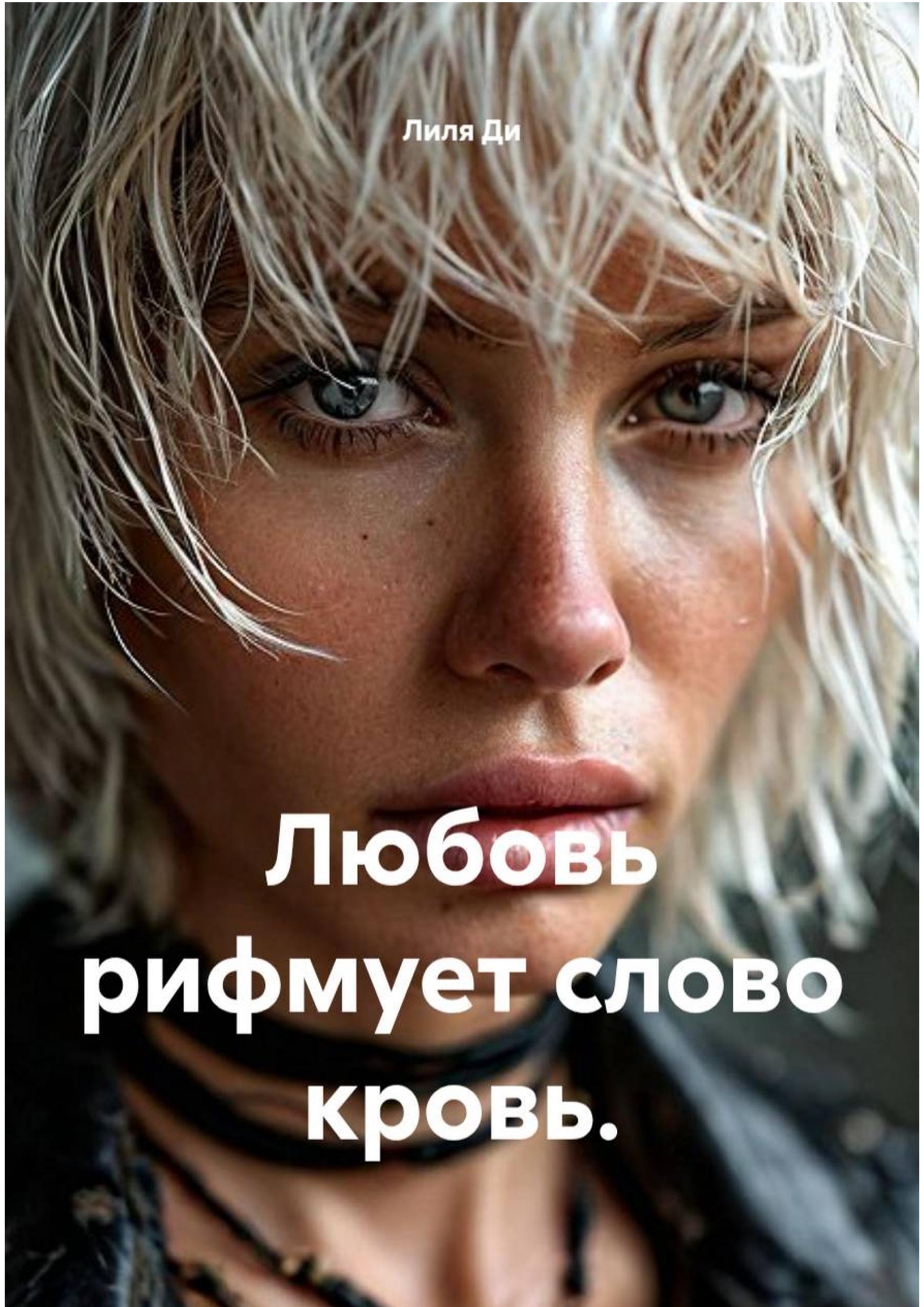

Лиля Ди

**Любовь
рифмует слово
кровь.**

Лиля Ди

Любовь рифмует слово кровь.

«Автор»

2026

Ди Л.

Любовь рифмует слово кровь. / Л. Ди — «Автор», 2026

Я - криминальный журналист. С некоторых пор расследую дело маньяка-висельника. Но не знаю, что он находится рядом со мной. Совсем-совсем близко. А когда узнаю, жизнь останавливается. Я опускаюсь на самое "дно".

© Ди Л., 2026

© Автор, 2026

Лиля Ди

Любовь рифмует слово кровь.

**** Любовь рифмует слово кровь. ****

**** Сцены ****

**** 1. Глава 1 ****

Мне опять снится, что я лечу в машине с неисправными тормозами, отстёгиваю ремень безопасности, пытаюсь открыть дверь, но её заклинивает намертво. Мой спутник зловеще хохочет, хватая меня за шею и начинает душить. От ужаса я просыпаюсь и шарю рукой у дивана. Фары от проезжающей машины на миг освещают комнату, я нахожу бутылку, жадно прикладываюсь к ней и чувствую, как понемногу отпускает страх. На часах полночь, мне необходимо выспаться, но боязнь повторения кошмара не даёт уснуть сразу.

Просыпаюсь поздно, варю кофе, принимаю душ, кое-как привожу себя в порядок и иду на электричку. Меня злобно толкают в бок какие-то бабки, но я упорно пробираюсь к свободному месту в середине вагона, чтобы ещё немного поспать. Хотя ехать недолго, успеваю задремать, но от этого становится ещё хуже, голова наливается чугуном, а глаза никак не хотят разлипаться.

В редакцию захожу уже после обеда. У кофейного аппарата стоит мой бывший конкурент по криминальной хронике Вася Аргуновский. Увидев меня, театрально морщится, прикрывая рукой нос.

- Ну и амбре, Мантурова! Опускаешься всё ниже?

Вася не успевает поднести кофе к губам, я выхватываю у него бумажный стаканчик и опустошаю его одним глотком.

- Вот, вот,- констатирует он и пытается ущипнуть меня пониже спины. Разворачиваюсь и даю коленом ему в пах, отчего его скручивает в три погибели.

- Психическая,- шипит он,- иди, тебя главный ждёт.

Нехотя поднимаюсь наверх, чуть помешкав, открываю дверь кабинета главного редактора, стараясь придать лицу беспечный вид.

Главный молча кивает мне на стул и задумчиво наблюдает, как я суетливо устраиваюсь за длинным столом.

- Когда за ум возьмёшься, Лиза? - грустно произносит он и от его сочувственного взгляда мне становится ещё больше не по себе, - ты ведь талантливый журналист.

- Была,- шепчу я, стараясь сдержать набежавшие слёзы, ну как мне объяснить ему, что я не могу больше писать?

- А теперь у вас есть талантливый курьер.

- Не ёрничай,- строго приказывает он,-тебя и из курьеров давно пора гнать!

- А что вас не устраивает?- пытаюсь изобразить на лице оскорбление.

- Ты должна быть на работе не позднее десяти, но позволяешь себе появляться после обеда.

- Пал Егорыч, с утра всё равно делать нечего.

- Сегодня документы нужно было доставить к одиннадцати, пришлось вызывать человека из курьерской службы.

- Расходы можете вычесть из моей зарплаты,- я пожала плечами.

- Вычтем, вычтем,- он опустил голову, стараясь избежать моего взгляда,- значит так, Лизавета, мне надоело тебя покрывать. Если до конца месяца не возьмёшься за ум, мы рас-прощаемся.

Я встаю молча, шумно задвигаю за собой стул.

- Ведь год уже прошёл,Лиза! - в его голосе опять звучит сочувствие.

- Для меня - один день,- сглатывая подступивший к горлу комок, уходя, бросаю я.

- Чего ты там кропаешь, Аргунчик?- не сдерживаюсь и проходя мимо, заглядываю в Вась-кин компьютер.

- "Висельника" поймали,- в его голосе звучит неприкрытое торжество,- завидуешь?

Он намекает на, что год назад это было моё расследование.

- Не может быть! - спина вдруг становится мокрой и холодный пот ручейком ползёт вниз.

- Завидуешь.

- Это подражатель,- я смотрю на фото незнакомого мне парня, точно зная, что он не может быть "висельником".

Он закидывает за голову руки и смеётся мне прямо в лицо.

- Ты проср... ла своё расследование, Мантурова. Теперь это моё дело. Завтра. Включи телевизор.

- Я бы не торопилась на твоём месте.

- Ты не на моём месте. Шуруй в канцелярию, заждались уже.

Я иду по длинному коридору, а мою грудь разрывает невыносимая боль. Есть только одно средство заглушить эту боль, но я знаю, что мне нужно продержаться до вечера. Почти бегу к метро, надо побыстрее разделаться с доставкой, чтобы вернуться домой и забыться. Наконец, завернув по пути в магазин, стою на пороге дома, держа в руках заветную бутылку. Мне опять кажется, что в затылок упирается чей-то взгляд и я беспокойно оглядываюсь назад. Улица совершенно пуста, а единственный дом напротив всё так же зияет молчаливой пустотой.

Граненый стакан с бульканьем наполняется бесцветной жидкостью и я с жадностью вливаю её в себя. Нашупав на столе недоеденный сухарь, кладу его в рот и заливаю новую порцию водки. Через минуту становится легче, а через десять совсем хорошо. Снимаю со стены огромный шаманский барабан и погружаюсь в причудливый странный танец. У него нет названия и определённых движений. Я сама задаю темп и двигаюсь так, как мне подсказывает воображение. Со стороны это должно выглядеть дико, но меня никто не видит и от бешеной пляски поднимается настроение.

- Ты ошибся, Васечка,- что есть силы кричу я,- это не "висельник", это всего лишь жалкий подражатель!

Наконец бессильно падаю на диван, натягиваю на себя плед и закрываю глаза. В бутылке еще осталась спасительная жидкость, я знаю, что ночью она мне может понадобиться, поэтому ставлю её возле дивана. Он продавлен, замусолен и я упорно каждую ночь устраиваюсь на нём, забыв постелить постель, хотя на втором этаже у меня находится отличная кровать с дорогим ортопедическим матрасом. Но я уже год не поднимаюсь вверх, боясь нечаянно разбудить призраков.

Утром все повторяется вновь: тяжелое пробуждение, холодный душ и дрянной дешёвый кофе, на другой у меня просто не хватает денег. Я твёрдо решила придти вовремя на работу, но мои благие намерения внезапно нарушают ранние гости.

Хорошо одетая, ухоженная женщина царской походкой направляется к моему дому. Она безупречна во всём и трудно определить её возраст: можно дать и тридцать пять лет и сорок, и пятьдесят. Холёное лицо, без единой морщинки свежо и молодо, лишь холодный взгляд умудрённой опытом женщины говорит о том, что вероятнее всего она разменяла пятый десяток.

Следом за ней лёгкой небрежной походкой шествует молодой человек с внешностью кукольного Кена. Его волнистые волосы красиво уложены назад и под лучами солнца блестят, как набриолиненные. Мускулистый гладкий торс, обтянутый футболкой, картинно великолепен, так и хочется подойти и ткнуть в него пальцем: настоящий ли? Если бы женщина была немного моложе, их можно было смело выставлять, как рекламу оживших Барби и Кена.

- Чем обязана столь раннему визиту? - я старательно пытаюсь скрыть досаду.

- Приходится жертвовать собой, ведь только в это время тебя можно застать в адекватном состоянии, - женщина осторожно отталкивает узким носком лаковой туфли валяющуюся на полу пустую бутылку.

- Почему не берешь телефон? - она оглядывает брезгливым взглядом моё донельзя захламлённое жилище.

- Наверное потому что у меня его нет. Он неудачно ударился об пол.

Я кивнула в сторону, где недавно в пьяном бешенстве грохнула об пол телефон. Его ошмётки так и остались лежать на полу.

- Тебе никогда не было до меня дела! Что-то случилось, что привело тебя сюда? - в моём вопросе звучит горькая насмешка.

- Я твоя мать, и беспокоюсь о тебе!

Эта женщина действительно приходится мне матерью. От отчима ей досталось неплохое наследство, которое обеспечивает ей безбедную и беззаботную жизнь. Кена, позади неё, зовут Вадичка. Любопытно, что когда-то я сама привела в дом смазливового однокурсника для того, чтобы провести с ним ночь, но инициативу у меня неожиданно перехватила недавно овдовевшая мамам, которая до сих пор держит его железной хваткой. Впрочем, золотая клетка Вадика не смущает. Небольшую толику времени у него занимает работа в глянцевого журнале, где он ведёт колонку светских новостей, всё остальное время он собственно и крутится в этом свете со своей немолодой протее.

Как только у них завязался роман, моя прародительница предпочла избавиться от моего присутствия, подарив мне небольшой павильон в коттеджном посёлке, в котором я и живу до сего времени. Преимущество посёлка в его расположении, как и недостаток. Он находится сразу за кольцевой дорогой. Неудобные развязки и многочасовые пробки делают его малодоступным для собственников машин, и в то же время близость электрички облегчает досягаемость до города. Не знаю, чем руководствовался архитектор при постройке доставшегося мне домика. С виду он напоминал небольшую двухэтажную копию панорамы Бородинской битвы. Первый этаж был полностью застеклён и вся моя жизнь в подробностях была бы совершенно на виду, если бы кого-нибудь интересовала. Но напротив меня стоит единственный дом, который уже несколько лет необитаем, как и многие другие в нашем посёлке. Обитатели коттеджей давно проживают за границей или где-то в более комфортных местах. Второй этаж более защищён от взглядов, но я с некоторых пор им не пользуюсь.

- Сделай мне кофе, - мать оглядывается на Вадичку, пытаюсь очистить себе место на диване, чтобы присесть.

- Эээ, не стоит, - я кривлю в отвращении рот.

- Всё ясно, - она наконец устраивается, постелив на замусоленное сиденье плед и жестом предлагает мне расположиться рядом. Я нехотя устраиваюсь сбоку.

- Мам, мне на работу надо.

- Какую работу? - в её голосе проскакивают истеричные нотки, - курьером? Не успеешь пищу развести?

- Ну почему пищу? Я вожу документы.

- Какая разница? Сколько, сколько это может продолжаться? Пора уже взяться за ум!

Она прикладывает к глазам платочек, вытирая невидимые слёзы, успокаивается и наклоняется ко мне:

- Ну почему ты не хочешь пойти к психологу? Давай положим тебя в клинику? Найдём самую лучшую!

Я виновато склоняю голову. Разве возможно рассказать психологу, что происходило и происходит со мной? В этом невозможно признаться. Но мне внезапно становится жаль мать. Кажется она впервые всерьёз обеспокоена мною.

- Я подумаю, мам, хорошо? А сейчас мне надо на работу. Я обещала Пал Егорычу. Подвезёте?

Мама задумчиво кивает. Потом достаёт из миниатюрной сумочки деньги.

- Купи новый телефон. И, пожалуйста, будь завтра дома, я пришлю клининг.

Засовываю купюры в карман и радостная от того, что смогла так легко отделаться, быстро собираюсь. Проходя мимо Кена, не сдерживаюсь и треплю его за пластилиновую щёку. Он белозубо улыбается, а мать недовольно хмурит брови. Я знаю, что наверняка разговор продолжится в машине и поэтому пытаюсь направить ход её мыслей в другое русло, делая вид, что заигрываю с Вадичкой. И это даёт свои плоды, всю дорогу она молчит и дует на меня.

Стены родной редакции встречают меня удивленным возгласом Василия:

- Наверное будет дождь. Мантурова изволила проснуться до обеда!

Сегодня у него нет того восторженно торжествующего вида, напротив, он чем-то сильно расстроен.

- Что, репортаж не получился? - ехидно спрашиваю я.

- Да, это был не "висельник", - он в раздражении бросает карандаш на стол и, круто развернувшись в упор рассматривает меня.

- Вот удивляюсь я на тебя, Мантурова, бухаешь каждый день, а ум все не пропьёшь. Да и выглядишь ещё вполне.

Я благожелательно улыбаюсь, он встаёт и медленно приближается. Почему-то ему кажется, что если он не может положить меня на лопатки в профессиональном плане, то это обязательно нужно сделать физически. Для личного самоудовлетворения.

Я вижу, как его мокрые губы, словно два слизняка, приближаются к моему лицу и резко выдыхаю:

- Ппу!

Он пугливо отстраняется, а я насмешливо хохочу:

- Тебе мало вчерашнего?

- Скоро с бомжами будешь спать,- отстраняясь, цедит сквозь зубы.

- Уж лучше с ними, чем с тобой!

Но настроение отчего-то портится и спешу спуститься в канцелярию. Бумаги ещё не готовы и я сижу на неудобном стуле, бесконечно потягивая дешёвый кофе из автомата, пугая своим мрачным видом молоденьких девчонок-делопроизводителей. Они боязливо посматривают на меня, украдкой перешептываясь. И есть о чём. Каких только слухов не ходит обо мне в редакции! Но мне всё равно, я не обращаю внимания, пью свой мерзкий кофе и нетерпеливо вздыхаю, глядя на часы. Время движется медленно и я клянусь себя, за то что приехала так рано, до полудня делать здесь нечего.

Захожу в туалет, чтобы помыть руки и невольно задерживаюсь у зеркала, разглядывая себя:

Белые, неровно подстриженные маленькими маникюрными ножницами волосы, падают на ворот чёрного растянутого свитера, придавая лицу какую-то мальчишескую задорность. И лишь болезненная бледность и потухший взгляд резко контрастирует с игривым, почти озорным видом.

В детстве меня считали некрасивой. Белые, почти льняные волосы, бесцветные брови и ресницы вызывали насмешки среди сверстников. Как только меня не обзывали: и альбиносихой, и снулой рыбой, и белокрысой тлэй. Я рано научилась давать сдачи, даже какое-то время

ходила на восточные единоборства, так что желающих посмеяться заметно поубавилось, к тому же с возрастом стала подкрашивать глаза и брови, став обычной, такой же как все. Но друзей у меня не прибавилось, не забывались старые обиды.

И вот как-то в десятом классе учительница представила нам новенького ученика. Он стоял у доски, ослепительно улыбался и был дивно хорош собой. Среди девчонок по рядам пронесся едва заметный вздох и даже строгая математичка смотрела на него с интересом, широким жестом разрешая самому выбрать место:

- Ну, куда ты решил сесть?

- Ну, конечно, же к самой красивой!

Он посмотрел в мою сторону и уверенной походкой прошёл к свободному стулу. Я по привычке сидела одна.

Тридцать пар глаз разом посмотрели на меня, как будто увидели впервые.

- Ты похожа на блондинку полицейскую из фильма "Такси", - улыбаясь, шепнул он мне на ухо.

Надо ли говорить, что я тут же страстно влюбилась в него и решила непременно идти работать в полицию. Он стал моей первой любовью и первым мужчиной. Окончив школу, наши дороги разошлись и я как-то очень быстро забыла о нём, вступив во взрослую эмансипированную жизнь. Против работы в полиции бурно восстали мать с отчимом. Я поступила на журфак, а в последствии стала криминальным репортёром. В отличии от школы, в университете мною быстро приобреталась популярность. Я была умна, раскована, достаточно привлекательна, чтобы иметь массу поклонников. Моей любимой одеждой стали чёрные свитера, чёрные джинсы и лёгкие куртки. В зависимости от времени года я снимала куртки, меняла свитера на черные футболки и этот стиль придавал ещё большей оригинальности и эксцентричности. Впрочем, в этом не было ничего странного: просто чёрный цвет очень шёл к моим выбеленным волосам, а куртки я полюбила в память о родном отце, лёгчике-испытателе.

С головой погрузившись в журналистику, я совершенно не думала о любви, хотя регулярно таскала кого-нибудь из парней к себе домой. Выбирала самых симпатичных, без намёков на длительные отношения, это была тоже часть моего сложившегося имиджа. Пока не встретила ЕГО...

Выхожу из редакции, так и не дождавшись бумаг для доставки. На душе нестерпимо саднит. Разбредила душу воспоминаниями. Сегодня пятница и офисный народ шумно растекается по барам и окрестным забегаловкам. У меня есть деньги и мне надоело пить в одиночестве. Захожу в первую попавшуюся рюмочную и уже через пару часов веселюсь в компании бородатых рокеров. Один из них с правом собственности обнимает меня за плечи и я терплю это только потому что не хочу прерывать веселье. Моё сознание уплывает, в какой-то момент я осознаю, что стою на столе и танцую свой шаманский танец, потом бородач снимает меня, берёт на руки и тащит к выходу. Я брыкаюсь, точным ударом пинаю его между ног, останавливаю проезжающую мимо машину, говорю водителю адрес, бросаю оставшиеся смятые купюры на переднее сиденье и засыпаю.

Потом внезапно понимаю, что сижу на собственном крыльце, силюсь встать, но ноги не держат меня, вдобавок из рук выскальзывают ключи и я на четвереньках ползаю, шаря руками по мокрой траве.

Наконец, оказываюсь дома, на своём любимом потертом диване и окончательно вырубаясь.

Просыпаюсь оттого, что кто-то наваливается на меня, пытаюсь сорвать одежду. Я изворачиваюсь, отчаянно стараюсь выбраться из под него, но застигнута врасплох и достаточно пьяна, что бы освободиться от захвата. В какой-то момент борьбы мы скатываемся на пол и вдруг меня накрывает острое возбуждение. Я уже сама пытаюсь избавиться от остатков одежды

и в страстном порыве сливаюсь с мужчиной. Довольно темно, я не могу разглядеть его лица и от этого возбуждение только нарастает. Этот безумный секс длится как продолжение борьбы: я кусаю его, он резко бьёт меня по лицу, что только усиливает накал страсти. Мы катаемся по полу, яростно избивая друг друга в нарастающем оргазме. Наконец всё заканчивается и мы в бессилии отползаем друг от друга.

Я просыпаюсь утром на полу, голая, укрытая тонким пледом. Страшно болит голова, ломит тело и мне ужасно холодно. И тут будто разрядом молнии меня пронзает воспоминание о прошедшей ночи. Я оглядываю комнату со следами борьбы и сразу становится жарко. Подбегаю к незакрытой двери, захлопываю её и на какое-то время замираю, стараясь вспомнить подробности произошедшего. Бегу в душ, долго моюсь, потом стою перед запотевшим зеркалом в ужасе разглядывая следы вчерашнего побоища. Мои губы разбиты и из потрескавшихся ранок сочится кровь, тело сплошь в синяках и кровоподтёках.

Едва успеваю одеться, как слышу настойчивый звонок в дверь. Вздрагиваю, но сквозь стекло вижу группу людей с инструментами для уборки. Это заказанный матерью клининг. Чтобы избежать их назойливых любопытных взглядов, выбираюсь во двор и сидя в беседке, пытаюсь восстановить в памяти ночные события. Мне не по себе от воспоминаний и неизвестности. Кто мог забраться ко мне в дом? Бездомный бродяга? Вор? Подвозивший меня таксист или подвыпивший рокер? У меня нет никаких догадок. Мне страшно. Мне противна собственная похоть. Не к месту вспоминаю слова Васи Аргуновского: "скоро с бомжами спать будешь!" и понимаю: всё, это предел! Я действительно дошла до ручки.

Врываюсь в дом и под взглядами удивлённых уборщиц сбрасываю в кучу все свои валяющиеся в беспорядке вещи:

- Это нужно перестирать! Бутылки выкинуть!

Раскрываю все шкафчики в поисках оставшегося спиртного. Я всегда оставляю заготовки и сейчас безжалостно выливаю все остатки в раковину.

- Выбрасывайте всё что найдёте! - кидаю последние указания и снова выхожу во двор. Невыносимо видеть осуждение в глазах этих простых женщин.

Через какое-то время мой дом сияет чистотой и я остаюсь одна, наедине со своими мыслями. Вдруг накатывает зверский голод, открываю холодильник, но после уборки он чист, как никогда, выброшены все недоеденные когда-то куски, заскорузлые и заплесневелые. Если я сейчас выйду за едой, то обязательно сорвусь. Но голод сильнее здравого смысла. Всё таки решаюсь сходить в магазин, выворачиваю карманы и понимаю, что у меня совершенно нет денег. В бешенстве мечусь по комнате и вдруг, о чудо! Звенит звонок и я вижу за своей стеклянной дверью жёлтый короб курьера. Неужели об этом позаботилась моя матушка?

Я забираю пакет и тут же отламываю корочку от восхитительно хрустящего багета, достаю зелёную банку красной икры, вспарываю её, ложкой зачерпываю содержимое и отправляю в рот. Я урчу, словно кошка от наслаждения. Дальше на стол вываливается огромный кусок желтоватого сыра, упаковка тончайшего прошутто и банка гигантских фиолетовых маслин. Я готова петь от восторга, увидев на дне пачку хорошего итальянского кофе.

Ставлю на огонь турку и пока закипает вода, сминаю пустой бумажный пакет. Он разрывается и оттуда выпадает небольшая картонная открытка.

" Спасибо за незабываемый секс! "

В оцеплении переворачиваю картонку и замираю от ужаса : карта висельника. Именно её оставлял маньяк на телах своих жертв.

Кофе, шипя выползает из турки, заливая идеально чистую поверхность плиты, а я всё стою и смотрю на маленький кусочек картона в моей руке.

Я не хочу больше кофе. Мне нужно выпить кое что покрепче. Выпить, чтобы побороть животный страх, сжавший сердце. Бесполезно что-то искать, я сама вылила все остатки спирт-

ного, но если я не сделаю хотя бы глоток, сойду с ума. В отчаянии, с гулко бьющимся сердцем осторожно поднимаюсь на второй этаж. Я не была здесь почти год и меня поражает невероятный порядок и чистота. Не сразу понимаю, что вероятнее всего и здесь поработал клининг. Стараюсь не смотреть на гладкую поверхность заправленной атласным покрывалом огромной кровати, боком пробираюсь в туалетную комнату. Там на полочке, всё так же аккуратно размещаются умывальные принадлежности: две зубные щетки, тюбик пасты, бритвенный станок и флакон дорогого мужского одеколona.

Забираю его и тихонько пачусь назад. Невольно опять бросаю взгляд на кровать. У изголовья, слева, на том месте, где я всегда спала, что-то блестит. Слегка поддаюсь вперёд и с криком скатываюсь по лестнице вниз, разглядев маленькую рубиновую серёжку на розовом покрывале.

Я открываю крышечку одеколona и опрокидываю пузырёк в рот. Жидкость обжигает мне горло, едкий запах ударяет в нос, бросаю флакон на пол и бегу в туалет, еле сдерживая рвотные позывы.

Я насквозь пропитываюсь запахом одеколona, им пропитывается весь дом. Это ЕГО запах. И мне чудится, что ОН бродит вокруг моего стеклянного дома. Я выключаю свет и бегу к кухонному островку, там на полу единственное место, где я могу спрятаться от его всевидящего ока. Наконец, выползаю из своего укрытия и бегаю с криками вокруг стеклянных стен:

- Кто ты, чёрт тебя побрал? Призрак или человек? Зачем ты пугаешь меня? Я не боюсь! Я совсем не боюсь!

Я кричу это мечущейся вместе со мной тени, и лишь потом понимаю, что это моё собственное отражение отбрасывает тень и вселяет суеверный ужас. Мне нужно прийти в себя, остыть и понять, что же на самом деле происходит? Кто узнал мою тайну и пытается напугать меня?

Понемногу, успокаиваюсь, собираю с пола осколки разбившегося флакона, поднимаю голову и вдруг вижу за стеклянной дверью знакомый силуэт. Будто во сне делаю шаг вперёд и замираю в удивлении и ужасе: на меня смотрит такое знакомое лицо. Внезапно сознание уплывает и я без чувств падаю на пол.

**** 2. Глава 2 ****

Я сижу в маминой гостиной за огромным роскошно накрытым столом. Напротив, сияя небесно-голубым взглядом, восседает Андрюша, моя первая школьная любовь. Он немного растолстел, оплыл, но не потерял прежнего лоска и по-прежнему его лучезарная улыбка топит женские сердца. Даже моя мама, не в меру раскрасневшись, напропалую кокетничает с ним, не обращая внимания на надутые губы Вадюши. Впрочем, подозреваю, что этот спектакль прежде всего разыгран для него. Вчера они поздно вернулись с какого модного показа и судя по раздраженному тону матери, ей не очень понравилась реакция Вадика на длинноногих красоток, вышагивающих по подиуму.

Я, то почёсываю раздражённую от жёсткого ворота платья шею, то пытаюсь натянуть на колени, обтянутые эластичным шёлком, непревечно короткий подол. Мы слегка повздорили с мамой из-за моей одежды: я ни за что не соглашалась скинуть джинсы, сошлись на длинном чёрном свитере, эффектно обтягивающем фигуру и обнажая мои длинные костлявые ноги. Я даже согласилась на короткую стрижку и маскирующий мои синяки и ушибы макияж. Всё ради того, чтобы мать позволила мне некоторое время пожить у неё. Она долго не соглашалась, но в конце концов уступила на своих условиях и моём полном подчинении. Я была согласна на всё. После пережитого ужаса в своем доме, поняла, что больше не могу там находиться.

Молчаливая прислуга бесшумно меняет тарелки, стараясь придать лицу равнодушный вид, но я то и дело с момента своего появления ловлю любопытные взгляды. Во мне мало кто узнал хозяйскую дочь, когда я внезапно появилась на пороге. Год беспрерывного пьянства не

мог не оставить следов на моей внешности. Да и побитое ночным гостем лицо не придавало шарма. И только чудесным мастерством грамотного стилиста удалось придать мне приличный вид для встречи с Андреем.

Его пригласила мама, "случайно" столкнувшись с ним в парке, в котором он по утрам бегал, стараясь привести себя в форму.

- Знаешь, кого я встретила сегодня? - мамин притворный тон заставил меня насторожиться.

- Кого?

- Андрюшеньку, твоего одноклассника. У вас ещё были романтические отношения. Ах, он по - прежнему душка! И очень интересовался тобой. Я пригласила его на ужин. И почему вы расстались, не понимаю? Могли бы стать такой замечательной парой!

Мне хотелось напомнить, как она однажды раз и навсегда выгнала из дома этого душку, застав его в моей постели. Впрочем, врят ли стоило об этом вспоминать, кто бы на её месте поступил иначе?

Мне совершенно не хотелось встречаться с Андрюшей, но я обещала быть покладистой и не стала активно протестовать.

И вот теперь я сижу напротив него, старательно пытаюсь скрыть охватившую меня скуку. Как я могла когда-то влюбиться в этого смазливового самоуверенного самца?

- А ты всё больше становишься похожа на Петру,- он улыбается, обнажая неестественно белые выровненные зубы.

- Петру? - не понимаю я, пытаюсь поймать своё отражение в его фарфоровой улыбке.

- Ну, ту, девушку-полицейскую из "Такси".

Когда-то он купил меня этими словами, но сейчас я только обречённо вздыхаю.

- И ты, как она расследуешь преступления?

- Это в прошлом,- слегка морщусь я, протягивая руку к бокалу с водой, в то время как все пьют вино.

- Да, да. Я слышал про твою трагедию. Тяжело переживаешь?

- Мы не говорим об этом,- предостерегающе подаёт голос мама,- лучше расскажите Андрей, чем вы занимаетесь?

Пока Андрюша рассказывает о своих успехах и бизнес-планах, рассеяно кручу на столе пальцем хлебный мякиш, совершенно не интересуясь его рассказом. Мама, заметив, делает мне страшные глаза и кивает головой на собеседника. Я послушно убираю руки на колени и пытаюсь изобразить на лице хоть какую-то заинтересованность. Проклятый ворот несносно трёт шею и я опять машинально оттягиваю его и дую внутрь.

- Может выйдем на свежий воздух? - в моём голосе слышится мольба, Андрюша замолкает, и вопросительно смотрит на маму.

- Конечно, конечно,- кудахчет она, распорядясь, чтобы нам принесли кофе в беседку.

Мы выходим на свежий воздух, мой спутник чуть приобнимает меня, но я не чувствую ничего от его прикосновений, и внезапно вспомнив позавчерашнюю ночь, покрываюсь холодным потом.

Рука Андрюши плотнее прижимает меня к себе, я ощущаю дрожание его пальцев, но не спешу отстраниться.

- Меня всегда возбуждала твоя холодность,- он разворачивает меня к себе, ощупывает руками моё тело, убежденный в том, что это должно подействовать.

- Холодность? - в уме повторяю я, опять вспомнив события двухдневной давности. Я не была холодна той ночью, как и в другие, проведённые не с ним.

Он гладит мою грудь, но я всё также ничего не чувствую и отстраняюсь от него.

- Ледышка,- улыбается он,- знаешь, я скучал по тебе. Всегда хотелось растопить твой лёд.

- Послушай, меня интересует один вопрос: я ведь не была самой красивой в классе. Почему ты тогда выбрал именно меня?

- Ты единственная не обращала на меня никакого внимания, сидела, равнодушно уставившись в окно. Это заинтриговало вначале, а потом я здорово увлёкся. В отличие от тебя.

- Ты не прав. Я сразу же влюбилась.

Андрей качает головой:

- Ты не знаешь, что такое любовь... Или знаешь? -

он вглядывается в моё потемневшее лицо.

- Не надо, прошу,- хрипло шепчу, отгоняя воспоминания. Что он может знать о любви, избалованный любимец женщин?

Мы молчим, допивая остывший кофе. Он больше не флиртует со мной, тревожно вглядываясь в моё искажённое болью лицо.

- Спасибо тебе, Андрюш. Но не стоит больше приходить.

Он согласно кивает головой.

- Меня Нина Николаевна, мама твоя попросила. Ты извини, - в его тоне звучит раскаяние.

И тут я понимаю, что с его стороны это была лишь игра. Он не мог не заметить ни моего плачевного вида, ни разбитого лица, ни общей глубокой депрессии, в которую я впала. И когда уходит маска с Андрюшиного лица, я ничего не вижу в его глазах кроме жалости.

- Если тебе нужна помощь, я...

- Не надо,- прерываю его на полуслове.

Мы неловко молчим, я поднимаюсь с целью проводить его, но тут появляется мама и её щебетание разряжает возникший дискомфорт.

- Мне пора,- Андрюша как ни в чём ни бывало улыбается, целует маме руку, чуть-чуть прикладывает губами к моей щеке и растворяется в сумерках.

- Ну что? - нетерпеливо вопрошает мать.

- Что?

- Не строй из себя дурочку! - она цепко хватая меня за плечо, не давая уйти,- он прекрасная партия для тебя! Не то что этот твой, без роду, без племени.

- Mam, мы не королевские особы, не надо так высокопарно выражаться! "Партия"!

- Не придирайся к словам! Ты прекрасно знаешь о чём я!

- Да не нужна я ему. А он мне тем более. И не подходим мы друг другу совершенно!

- Что за ерунда ! Как не подходите?

- Как, как... физически ...

- Не придумывай, я отлично помню, как вы кувыркались с ним в постели.

- Мы были почти детьми, я ничего в этом не понимала. И вообще он самонадеянный смазливый болван, я ничего к нему не чувствую,- отмахиваюсь я от неё.

- Смотри-ка как заговорила! Многоопытная наша! Значит, Андрей, болван, а этот твой...

- Хватит! Я тебя прошу, давай не будем о нём! Дай мне немного спокойно пожить у тебя. Это всё что нужно.

Мама уходит и я остаюсь одна. Свитер невероятно трёт шею и больше всего мне хочется сейчас идти и переодеться. Но я всё сижу и сижу в беседке, боясь нарушить тишину надвигающейся ночи.

Внезапно она возвращается и присаживается рядом.

- Что собираешься делать завтра?

- Наверное пойду на работу.

- Зачем я делала тебе больничный? Отдохни.

Пожимаю плечами и внезапно спрашиваю:

- Mam, ты любила папу?

- Конечно, любила. Когда выходила за него.

- Почему же тогда бросила? Встретила более перспективного?

Она с укором смотрит на меня:

- Он же пил. Сначала ещё как-то сдерживался. А потом его выгнали с работы и понеслось... Я не выдержала и ушла. Ну а после эта авария... Сел пьяный за руль.

С недоверием смотрю на неё:

- Ты мне не рассказывала этого. Я всегда думала, что пить он начал из-за твоего ухода.

Она грустно качает головой:

- И обвиняла меня в его смерти.

- Я даже помню, что в детстве ты говорила мне, что он разбился на испытаниях нового самолёта. Пока добрые люди не просветили меня, что он погиб на дороге, сбив при этом человека.

- Слава Богу, не насмерть. Твой отчим оплатил тогда лечение .

- Но почему ты всё это пыталась скрыть от меня?

- Не хотела, чтобы у тебя остались плохие воспоминания о нём. Ты ведь так гордилась тем, что он был лётчиком.

Я смотрю на маму другими глазами и понимаю, что она, действительно, любила отца, если даже после его смерти старалась сохранить добрую память.

- Ты не пыталась бороться с его пьянством?

- Как не пыталась? Пыталась. Что только не делала! Бесполезно, если человек не захочет сам, он никогда не бросит. Думаешь, если бы я этого не знала, не попыталась тебя засунуть в какую-нибудь клинику?

Опускаю ей голову на плечо и мы сидим, обнявшись, под звёздным небом. Я думаю о том, что Андрей правильно назвал меня сегодня ледышкой. Никогда я не пыталась понять свою мать, не могла простить предательства по отношению к отцу, хотя почти не помнила его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.